

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 439–449

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 439–449

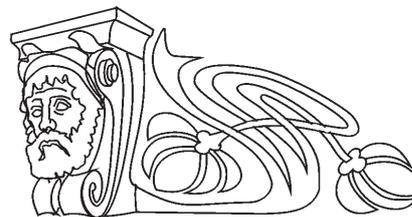
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-439-449>, EDN: DTYSSQ

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929[Державин+Ходасевич]

Творческая самоидентификация Владислава Ходасевича в книге «Державин»

Н. М. Щедрина

Московский государственный областной университет, Россия, 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Щедрина Нэлла Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX века, schedrina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-2405>

Аннотация. Актуальность и новизна данной статьи состоит в анализе творческой самоидентификации в книге В. Ходасевича «Державин» (1931), являющейся доступом к авторской мысли. Основой для данного исследования являются методы российского психоаналитика Я. М. Когана, изложенные в книге «Отождествление и его роль в художественном творчестве» (1926). С этой точки зрения произведение в литературоведении не рассматривалось. Учитываются также работы современных учёных: Д. П. Бак, К. А. Крылова, В. И. Тюпы, Е. В. Харитоновой, М. А. Хатямовой и других, изучающих литературу с точки зрения «рефлексии», «авторрефлексии», «саморефлексии», «самоидентификации», процессов, участвующих в творчестве писателей. В основной части статьи уделено внимание наиболее важным точкам соприкосновения автора книги Ходасевича с героем Державиным как художником, желанию понять движение мыслей и причины поступков героя, их эстетическую доминанту. В процессе анализа установлено, что для Ходасевича существенными оказались творческие акты Державина в период создания значимых художественных текстов, которые привлечены в статью для анализа: фрагменты од «Водопад», «Бог», а также неоконченного философского стихотворения «Река времен в своем стремлении...». Установлено, что погружение в мироощущение поэта другой эпохи было необходимо автору для самореализации. Принимается во внимание авторская преднамеренность Ходасевича, объединённая с его героем общими идеями творчества как такового, независимо от происходящего времени. Определённую роль в этом для Ходасевича сыграли процессы идентификации, самоидентификации и отождествления, оказавшие влияние на художественное сознание поэта XX в., объединившие его с героями-творцами русской классики.

Ключевые слова: Г. Р. Державин, В. Ф. Ходасевич, Я. М. Коган, идентификация, отождествление, эстетическая доминанта, авторская мысль

Для цитирования: Щедрина Н. М. Творческая самоидентификация Владислава Ходасевича в книге «Державин» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 439–449. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-439-449>, EDN: DTYSSQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Creative self-identification of Vladislav Khodasevich in the book “Derzhavin”

N. M. Shchedrina

Moscow Region State University, 24 Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow region, Russia

Nellya M. Shchedrina, schedrina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-2405>

Abstract. The relevance and novelty of this article lie in the analysis of creative self-identification in the book by V. Khodasevich “Derzhavin” (1931), which is an access to the author’s thought. This study is based on the methods of the Russian psychoanalyst Ya. M. Kogan, set forth in the book “Identification and its role in artistic creativity” (1926). This work has never been considered in literary criticism from this perspective. The works of modern scientists are also taken into account: D. P. Bak, K. A. Krylov, V. I. Tyupa, E. V. Kharitonova, M. A. Khatyamova and others who study literature from the point of view of “reflection”, “auto-reflection”, “self-reflection”, “self-identification”, processes involved in the work of writers. The main part of the article focuses on the most important points of contact between the author of the book Khodasevich and the hero Derzhavin as an artist, on the desire to understand the movement of thoughts and the reasons for the actions of the hero, their aesthetic dominant idea. In the course of analysis, it was established that Derzhavin’s creative acts during the period of creating significant literary texts, which were included in the article for analysis, turned out to be significant for Khodasevich: fragments of the odes “Waterfall”, “God”, as well as the unfinished philosophical poem “The River of Times in its aspiration ...”. It has been established that immersion in the attitude of the poet of another era was necessary for another author for self-realization. Khodasevich’s premeditation is taken into account, united with his hero by the similar ideas of the creative process as such, regardless of the time that is taking place. A certain role in this for Khodasevich was played by the processes of self-identification and identification, which influenced the artistic consciousness of the poet of the 20th century, uniting him with the heroic creators of the Russian classics.

Keywords: G. R. Derzhavin, V. F. Khodasevich, Ya. M. Kogan, identification, matching, aesthetic dominant idea, author’s idea

For citation: Shchedrina N. M. Creative self-identification of Vladislav Khodasevich in the book "Derzhavin". *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss.4, pp. 439–449 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-439-449>, EDN: DTYSSQ
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В основе философских, исторических и эстетических позиций писателя в творчестве лежит мысль о ценности человеческой личности, которая в художественном произведении обретает статус героя. Принципиально важной является идентичность автора и героя, хотя согласно теории М. М. Бахтина автор произведения не может быть равен автору-человеку, а совпадение героя с творцом крайне редко, поскольку «в противном случае мы не получим художественного произведения» [1, с. 80]. В прозе на рубеже XIX и XX вв., по мнению С. Н. Бройтмана, «наряду с традиционными возникают такие субъектные формы, основой которых становится не аналитическое различие “я” и “другого”, а их изначально нерасчленимая интерсубъектная целостность» [2, с. 253].

В самом произведении «интерсубъектная целостность» раскрывается через множество приемов, в том числе через авторскую рефлексию, зачастую становящуюся основой повествования. С характером творческого акта писателя связана работа его памяти и её «отождествление», идентификация. Эту проблему в 1920-е гг. рассматривал российский психоаналитик Я. М. Коган, изложив свои позиции в книге «Отождествление и его роль в художественном творчестве» (1926). Под идентификацией он понимал «перенесение себя в ситуацию третьего лица с последующими аффективными и интеллектуальными реакциями на это перенесение» [3, с. 9]. Как полагал ученый, идентификация «сохраняет те же цели и мотивы, что и в жизни. Отождествляясь со своими героями, художник изживает свои неотрагированные аффекты, свою неудовлетворённость, недовольство собой» [3, с. 76]. А для читателя выявление «глубокой идентификации» автора с героями произведения является доступом к его мысли.

Вновь интерес к идентификации возник во второй половине XX в. в связи с рецептивной эстетикой [4] и необходимостью соотнесения литературоведения с другими смежными науками. Актуализировались понятия «рефлексия», «авторрефлексия», «саморефлексия», участвующие в творческом процессе, чрезвычайно важные для настоящей работы. Учёные [5–9], занимающиеся этими проблемами, за основу берут «рефлексию» как отражение самого себя и переосмысление своих поступков в действительности, а «саморефлексию» определяют как специфику творческой деятельности, зафиксированную художником в отношениях автора и героя.

Учитывая предложенные современными учеными подходы, воспользуемся сложившейся на сегодняшний момент методологией анализа саморефлексии и с этих позиций подойдем к произведению В. Ф. Ходасевича «Державин» (1931), написанному в конце жизни поэтом – представителем первой волны русской эмиграции.

Личность В. Ф. Ходасевича (1886–1939) вызвала и продолжает вызывать большой интерес историков литературы и критиков [10–14]. Исследователи рассматривали концепцию личности в «Державине», специфику жанра, анализировали книгу среди произведений представителей Серебряного века, художественных биографий других писателей, продолжающих традицию русской литературы, соотносили произведение с различного рода повествованиями в литературе русского зарубежья, а также с личностью классика XVIII в. и его окружения [15–22].

Наш ракурс исследования связан с самоидентификацией, которая является областью психологии творчества и дает возможность через этот художественный прием постичь особенности мышления Ходасевича как автора книги о Державине. Его герменевтическое разгадывание и интерпретация истории возникновения замысла и процесса написания стихотворений писателя XVIII столетия, приведенных в качестве примера в книге, близких духовным ситуациям Ходасевича и тем проблемам, которые одинаково волновали поэтов разных эпох, нами рассматривается как непрерывная саморефлексия индивида в попытках постичь тождество самому себе в «другом». Интерпретация стихов Державина, представленная Ходасевичем в произведении, рождена совокупностью всего жизненного опыта поэта, поэтому и стала для автора выражением СВОЕГО (в отсутствии в книге поэзии самого Ходасевича).

Державин, по концепции Ходасевича, бывший предтечей пушкинской поэзии в действительной жизни, не подавленной правилами и этикетом, собственно, переживал ситуацию кризиса творчества как следования канонам. Ходасевич же в XX в. воспринимал наступление модернистской эстетики (в том числе и в русской литературе младоэмигрантов) как конец классической русской литературы. Он не «воскрешал» забытого Державина, а отыскивал в его творчестве проявление мужества и устойчивости в следовании собственному миропониманию, а не меняющимся художественным образцам. Обращение к жизненному поведению, а главное

для нас – к наследию поэта XVIII в., было для него сознательным, однако написание книги не иллюстрировало замысел, а развивало понимание. Не второстепенную роль в процессе восприятия и самоотождествления Ходасевича с Державиным играет именно поэзия Державина, а также реконструкция творческих состояний поэта, порождавших глубокие поэтические высказывания философской интуиции поэта XX в.

В этой статье анализируется механизм соотношения и бессознательного отождествления себя с другим субъектом в биографическом повествовании о Державине. Непосредственно с этой точки зрения книга Ходасевича специально не рассматривалась. Возможно, предпринятый подход будет способствовать объяснению причины сознательного отказа Владислава Ходасевича от поэзии в конце жизни и создания произведений совсем другого рода. С 1927 г. В. Ходасевич почти полностью прекратил писать и печатать стихи [16, с. 222–223], хотя с точки зрения проблемы не судьбы художника, а самой классической поэзии, обращённой не к самовыражению, а к пониманию действительной жизни в масштабах вечности и Бога, книга Ходасевича о Державине ещё далека от объяснения. Между тем выявление глубинного пласта сознания поэта XX в. в раскрытии философии писателя XVIII в. представляется важным не только как проявление индивидуальной связи русских поэтов разного исторического времени, но и как выявление самосознания художников переломных эпох.

Заметим, что для первой волны эмиграции, находившей основу для самоопределения не в реальности (равно чуждой европейской или советской), а именно в русской литературе, характерна связь собственного творчества с русской поэзией предшествующих столетий. Например, Б. К. Зайцев издаёт «Жизнь Тургенева» (1932), И. А. Бунин работает над статьей о Л. Толстом, книга В. Ф. Ходасевича, появившаяся раньше других, тоже в этом ряду. Литература русского зарубежья искала связь с корнями для существования в новой реальности XX века и вопреки реальности.

В 1920–1930-е гг. биографическая проза развивалась и в Советском Союзе: В. В. Вересаев – «Пушкин в жизни» (1928, 1932), П. Павленко – «13 повесть о Лермонтове» (1932), Л. Гроссман – «Рулетенбург» (1932), «Записки Д'Аршиака» (1933), Ю. Тынянов – «Смерть Вазир Мухтара» (1927), «Пушкин» (1936), О. Форш – «Радищев» (1935–1939), И. Новиков – «Пушкин в изгнании» (1 часть – 1936). Биографические романы и биографические исследования открывали трагизм судьбы художника в

разные времена и в разных странах, например, «Жизнь господина де Мольера» (1933, опубликована в 1962) М. А. Булгакова.

Внимание к Державину, как и к Пушкину, у Ходасевича было осознанным и прочным. Не примыкая ни к каким течениям, он шел по пути русской классической поэзии. Погружение в мироощущение поэта другой эпохи необходимо Ходасевичу для самоопределения, хотя замеченный А. Зориним автобиографизм заключительных глав «Державина» [23, с. 282] мы расцениваем не как отождествление фактов жизни, а как признание близким жизненным отношениям и принципам творчества писателя XVIII столетия.

Г. Р. Державин (1743–1816), поэт и государственный деятель XVIII в., нарисован Ходасевичем как цельная личность, хотя положение и государственного человека, и поэта в то время было зависимым и не оставляло свободы. Инициатива реабилитации Державина как поэта не второстепенного и не достойного забвения принадлежит не Ходасевичу. Среди ближайшего окружения поэта XX в. находились критики и историки литературы, считавшие, «что именно после Державина, а не после Батюшкова и Жуковского, надо было ждать Пушкина». Этой позиции придерживался в 1907 г. Б. А. Садовской, подтвердивший затем свой взгляд в небольшом очерке «Державин» (1910) [24]. Историк литературы и переводчик Б. А. Грифцов в 1914 г. опубликовал в журнале «София» очерк «Державин», уделив основное внимание его произведениям, не касаясь государственной службы поэта [25].

В 1916 г. в газете «Речь» к столетию смерти Державина Ю. И. Айхенвальд поместил статью о творчестве писателя, начиная повествование с благословения Державиным в лице на публичном экзамене будущего поэта Пушкина, заканчивая неоднократными ироническими высказываниями со стороны Пушкина о «кумире Державина – четверть золотой, три четверти свинцовый» [26].

В. Ходасевич в 1916 г. тоже пишет статью о Державине (опубликован впервые в газете «Утро России». 1916. 9 июля. № 190. Перепечатана в журнале «Северные записки». 1916. № 10, затем включена в книгу Ходасевича «Статьи о русской поэзии» (Пб., 1922) [27]). В эмиграции, отойдя от поэтического творчества, он взялся за книгу о Державине. Частично главы печатались в газете «Возрождение» и журнале «Современные записки» в 1931 г. Отдельное полное издание вышло в Париже в 1931 г. [28]. Российскому читателю книга стала доступна в 1988 г. В предисловии Ходасевич говорит о работах, на которые он опирался, будучи отдалён

от архивных материалов на родине. Предпочтение отдает девяти томному фундаментальному исследованию Я. К. Грота. Первое издание «Жизни Державина: по его сочинениям и письмам и по историческим документам», составленное Я. К. Гротом, содержало 9 томов и было издано в 1880 г. в С.-Петербурге. (В нашей работе текст цитируется по книге 1997 г. [29].)

Помимо этих материалов он использовал «Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гавриила Романовича Державина», «Объяснения на сочинения Державина» и «Рассуждения о лирической поэзии и об оде», его переписку и воспоминания современников. Обратим внимание на то, как Ходасевич формулирует свою задачу: с одной стороны, редукция замысла с целью «попытаться приблизить к сознанию современного читателя образ великого русского поэта» [23, с. 5]; с другой стороны, намёк на то, чтобы изменить образ поэта XVIII в., «затемнённый неверными представлениями» [23, с. 5], т. е. показать в его интерпретации иного поэта, такого, каким представлялся Державин самому Ходасевичу. Ни слова о самовыражении, о возможности импрессионистического, лирического высказывания, цель – выявление принципов художественного мышления в процессе разгадывания его произведений и их авторского толкования.

В рецензии П. М. Бицилли в газете «Россия и славянство» [30] отмечено, что в «художественной биографии» Ходасевича Державин-поэт не отделялся от Державина-человека, что поэзия для Державина «была продолжением службы, творческим осмыслением жизни» (цит. по: [31, с. 372]). Мы согласны с критиком: Ходасевич не противопоставляет и даже не ставит творчество Державина выше его государственной службы. Он отмечает: «Тогда все поэты служили – звания писателя не существовало. Общественное значение литературы уже признавалось, но на занятие литературой смотрели как на частное дело, а не на общественное» [23, с. 94]. И тут же интерпретирует: «Что касается Державина, то в его понятиях поэзия и служба ... связаны особым образом» [23, с. 94] (курсив наш. – Н. Ш.), а затем поясняет, что для поэта XVIII в. они сделались «как бы двумя поприщами единого гражданского подвига» [23, с. 95].

В. Ходасевич реконструирует биографию поэта XVIII в., уделяя гораздо меньше внимания фактам личной жизни, ставя на первое место творческий акт и связанную с ним служебную деятельность. Но наиболее важны для него точки соприкосновения с Державиным как художником, чтобы понять движение мыслей и мироощущения. Безусловно, для понимания смысла

поэтических творений необходимо обращаться к жизненным ситуациям, но причины поступков Г. Р. Державина Ходасевич выясняет более всего, чтобы интерпретировать содержание его произведений, а не жизненного контекста, объясняющего конкретные детали и факты. Чиновник и поэт-царедворец – потому что поверил в добрые начала государственного правления Екатерины – «ожидал, что именно ей дано стать такой народной монархиней, ...способной облегчить народную долю» [23, с. 9]. В «Оде к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице» поэт императрицу «окружал жрецами», определив для себя место жреца государственного дела, но главным было стихотворство.

Обратимся к фрагментам, раскрывающим моменты творческого процесса Державина, в которых, как нам представляется, Ходасевич отождествляет себя с героем книги. Подобные ситуации имеют не только эмоционально-импрессионистическое, но и концептуальное значение для выражения позиции подлинного поэта, для понимания источника поэтического вдохновения и художественного мышления.

Как справедливо заметил А. Зорин, в «Державине» совсем «немного говорится о стихах» [23, с. 279]. Упрёк поэту высказан по этому же поводу в статье Н. В. Сорокиной: «Ходасевич не обращается к поэтическому творчеству Державина Тамбовского периода», хотя автором статьи перечислено внушительное количество произведений (см. об этом: [21, с. 35]). Но, на наш взгляд, дело не в количестве привлеченных текстов, а в их значимости в жизни и в творчестве поэтов XVIII и XX вв. Мы сосредоточимся именно на тех моментах, когда Ходасевич оказывается интуитивно вовлеченным в процесс создания Державиным произведений, прибегнув к самоидентификации.

Первый из них связан с написанием оды «Водопад», в которой Державин-автор идентифицирует себя со своим героем – светлейшим князем Г. И. Потёмкиным, кому и посвящает произведение. Знакомство и затем общение между ними началось в 1791 г., хотя виделись они и раньше, во время службы Державина в армии. В 1791 г. Державин – кабинет-секретарь Екатерины, создатель оды во славу русского оружия и Г. В. Суворова «На взятие Измаила», понравившуюся императрице. Г. И. Потёмкин – прославленный полководец, один из самых влиятельных и богатых вельмож страны.

Для писателя XX в. подход к личностям подобного рода: и Потёмкина-героя будущей оды, и Державина-автора, важен с точки зрения как их государственной деятельности, непосредственно связанной со служением отечеству, так

и с творческой, потому что самого Ходасевича волнует проблема социальной и творческой позиции художника.

В пятой главе книги он подробно описывает роль Державина на губернаторском поприще в период с 1784 по 1786 г., повествуя об отъезде его из Петербурга после указа императрицы от 22 мая 1784 г. не в Казанскую губернию, где он родился и хотел служить, а в Олонецкую, в места, где «о законности имели всего менее понятия» [23, с. 110]. Державин стремился навести порядок, ставя себе целью «искоренение произвола». Служба началась с объезда губернии по воде и по суше. Река Суна привела спутников к водопаду Кивач. «Зажатый в ущелье, меж черных отвесных скал», падающий «тремя хаотичными уступами» на четвертый, откуда низвергается еще раз «с восьмизэтажной высоты» [23, с. 117], он производил ошеломляющее впечатление.

Во время похода Державина сопровождал секретарь казначея А. М. Грибовского, представленный Ходасевичем в книге как «экзекутор» – Николай Федорович Эмин, документальные записи которого цитирует писатель. Ходасевич как художник сравнивает реакцию на шум воды служивых людей, один из которых еще и поэт. На Эмина стремительность водопада наводила «некий приятный ужас» (курсив наш. – Н. Щ.) [23, с. 117]. Державин от падающей воды пришёл в смятение и восторг. А чтобы убедиться в её силе, велел на вершине горы срубить сосну и бросить в водопад: «Через несколько минут выплыли из жерла одни обломки и щепы» [23, с. 117]. Державин, в отличие от «приятного ужаса» Эмина, испытал потрясение и ушёл подавленным. Картина, поразившая его в этот момент, всплывёт в сознании почти через четыре года, когда он после смерти Потёмкина приступит к написанию оды «Водопад» (1791–1794) и выразит своё чувство стихами:

Ветрами ль сосны поражены?–
Ломаются в тебе в куски;
Громами ль камни отторжены?–
Стираются тобой пески...

[32, с. 269].

В «Водопаде» через творческую саморефлексию и метафору мощи и стихии воды он передаст силу государственной власти Екатерины II, значимость для России побед Потёмкина и свою собственную уверенность как губернатора в правоте дела по очищению страны от скверны.

Ходасевич никогда не видел Кивач. Допустимо предположение, что он реконструирует внутренний процесс в сознании Державина, опираясь не только на биографические подробности, интерпретируемые Я. К. Гротом, и на факты, взятые из «Записок» самого Державина,

но и восстанавливая творческое состояние поэта по результату – по самой оде «Водопад», в которой эмоция автора получила глубокое смысловое наполнение. Он идентифицирует с помощью творческой рефлексии факт биографии Державина, тоже акцентируя, как художник, внимание на природном явлении, рассматривая в Державине важный показатель творческого дара и философии прихотливой стихии жизни, чем и объяснит прихотливость государственной власти. Видимо, и в себе Ходасевич эту связь культивировал. Так жизненный опыт, восприятие реального ландшафта трансформируется в сознании Державина в образ, наполненный символическим смыслом и подвергаемый философской рефлексии.

Проявлением индивидуальности Державина как борца за благо отечества для Ходасевича являлась государственная служба: Екатерину предостерегал от снисходительности к тем, кто разворовывал казну; прямота и требование порядка были в натуре Державина. Но важнее всего то, как личные качества влияли на характер творчества, как точно выражения мыслей проявлялись в способности выразить важное в многозначных метафорах. Таким в книге оказался эпизод разоблачения взяточничества в Петрозаводске чиновников и наместника императрицы Т. И. Тутолмина, замешанного в казнокрадстве.

Ходасевич связывает поведение Державина как импровизатора, использующего творческий талант в реальных жизненных ситуациях, с его творческим даром. Губернатор разыгрывает перед петрозаводской публикой сцену, получившую название «дело о медведе», посаженном на председательское место, которое не оправдывал Тутолмин. Для Ходасевича эта сцена обнаруживает не только хитрость царедворца, не вступающего в прямую борьбу с имеющими власть, но и дар преобразовать реальность в образной метафоре (в данном случае создать театр в жизни). Розыгрыш губернатора был насмешкой над чиновником, но не только обращённый на конкретную персону, а заставляющий присутствующих при этом действе вспоминать о критериях соответствия человека власти. «Нельзя было разобрать, что ложь, а что правда» [23, с. 115], но импровизация выводила к правде не о заворовавшемся чиновнике, а об общей, государственной и нравственной норме.

Я. К. Грот в биографии Г. Р. Державина [29] приводит полемику между губернатором и наместником Екатерины. Т. И. Тутолмин в своей оправдательной записке утверждал, что губернатор «взводит на него клевету», «отъемлющую у него последнее и единое счастье быть известным миролюбивым человеком» [29, с. 264]. Г. Р. Державин ему возражал: «...издавна

примечено знающими сердце человеческое, что трус выхваляет свою храбрость, жестокий свою кротость... Я бы мог сделать картину миролюбивого и кроткого его нрава: пристойнее почитаю молчать» [29, с. 264]. Биограф не берет на себя право оправдать позицию Державина и пишет: «Для поверки этих слов мы, к сожалению, не довольно знакомы с прочими обстоятельствами жизни Тутолмина» [29, с. 264]. Как видим, ни о какой импровизации и сцене разыгрывания публики речи нет. Ходасевич заимствует у Грота только факт столкновения Державина с Тутолминым и через идентификацию открывает в своем герое способность импровизатора, утверждая, что даже на службе Державин проявлял дар творчества и иносказания, той самой метафоризации словом, присутствующей в его поэзии. В «Записках» Державина [33, с. 92–118] момент розыгрыша петрозаводского чиновничества тоже отсутствует. Введенная в книгу картина всецело принадлежит Ходасевичу. Его интерпретация ситуации завершается сценой «сонной грёзы», подобной венецианской комедии, якобы приснившейся присутствующим и свидетелям этого оскорбительного для Тутолмина случая. Автор сделал это ироническое сравнение, намекая либо на «Сон в летнюю ночь» Шекспира, либо, судя по воссозданной сцене с «поступком» Державина, на комедию дель арте как комедию масок, площадного итальянского искусства с импровизацией, которое в начале XX в. вновь стало возрождаться и по времени Ходасевичу было ближе всего.

В финале импровизированного «сновидения» торжествующий Державин предложил выпить шампанского за его благополучную поездку и исчез, уподобившись волшебнику. Ходасевич в этой сцене раскрывает дарованные Державину природные черты розыгрыша как особенность его творческой природы и объясняет такой поступок честностью и прямоотой в екатерининское время – не обличать, а «истину царям с улыбкой говорить» [32, с. 387] (строка из стихотворения Державина «Признание»). Державин-губернатор превысил свои полномочия над наместником Екатерины, что привело императрицу в ярость. Но Ходасевича меньше всего интересуют жизненные перипетии Державина, цель другая – анализ поэтического воображения героя, о чём и высказывается автор: «Лишь поэту могло прийти в голову разыграть олонецкую действительность, как венецианскую комедию, и превратить отъезд губернатора в исчезновение волшебника» [23, с. 121].

После устроенного спектакля преданность государыне и долгу службы была «вознаграждена» освобождением Державина от ряда вид-

ных государственных постов. Но поскольку у борца за исполнение закона не было, по словам Ходасевича, «опоры ни в обществе, ни в самом правительстве», то с его стороны последовал поступок, выразившийся не только в том, чтобы покинуть должность или добиваться «нового губернаторства», но и в том, чтобы в обличительном стихотворении, выросшем из «Псалом 81», «Властителям и судиям» (1780, 1787) («Признание» [32, с. 387]), передать своё негодование. Обличительный пафос «дерзкого» стихотворения был настолько силен, что поэту предстояло объяснение по поводу этого произведения с секретарём тайной канцелярии «кнутобойцем» С. И. Шешковским. Державин вынужден написать специальную оправдательную записку, где доказывал, что его стихотворение никак не может быть причислено к «якобинским» (см.: [32, с. 418]). «Возросшая в нём ярость», по словам Ходасевича, после возвращения в столицу вылилась в неудержимое желание вновь напечатать стихи, «вырезанные» в 1780 г. из журнала «С.-Петербургский Вестник». Об этом факте есть упоминание и в «Записках» Державина, и в жизнеописании Грота, но только Ходасевич полностью приводит стихи на страницах своей книги. Завершаются они призывом Державина:

Воскресни, Боже! божеправых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царём земли!

[23, с. 123].

Приближение к царскому двору и затем отлучение от него, по словам Ходасевича, создавало в жизни Державина ситуации «взлётов» и «падений», которые автор назвал «причудливыми», как «причудливой» [23, с. 193], по его мнению, была вся судьба стихотворца, находившегося либо на «пике удачи», либо в опале. Для этого автор вводит историю, пережитую Потёмкиным, и две сцены, связывающие своим присутствием и отношением к императрице двух преданных ей людей – Потёмкина и Державина, почти одновременно оказавшихся в положении отверженных. С точки зрения психолога Я. М. Когана, такое состояние называется «субъектной идентификацией», когда субъект способен «присваивать себе новые черты» [3, с. 10–11]. Этим «субъектом» оказываются Державин и описавший сцену Ходасевич, каждый из них переживает отождествление себя с тем лицом, которое он изображает. Движет этим факт из жизни Потёмкина, когда обуреваемый подозрениями о смене фаворита он внезапно уезжает после победы под Измаилом в Петербург 28 февраля 1791 г. А 28 апреля устраивает великолепное гулянье в

Таврическом дворце в честь победы над турками и возвеличивания императрицы, а также пытаюсь вернуть её расположение.

Ходасевич использует для воспроизведения этой картины фрагменты «Записок» присутствующего в Таврическом дворце Державина, запечатлевшего красоту бала и представившего через два месяца Потёмкину тетрадь с описанием торжества и хоров для него под названием «Без сомнения» в надежде на опубликование. Ходасевич вслед за Державиным тоже подчеркнёт роскошь празднества: горящие полосы звёзд, блеск рубинов, изумрудов, топазов, плавающие серебряные и золотые рыбы, сияние иллюминации. Но праздник не достиг цели: Екатерина отбыла, когда гости ещё веселились, а Потёмкин остался униженным, «знал, что под всем этим – бездна» [23, с. 143]. Для интерпретации Ходасевичу важна передача факта, взятого из «Записок» Державина: Потемкин с интересом «погрузился в чтение», но настроение его вдруг резко изменилось, и, как сообщает Державин (эти же строки цитируют и Грот, и Ходасевич), князь Таврический «несмотря на шедшую бурю, гром и молнию, ускакал Бог знает куды» [23, с. 143] (ср.: «...с фурией выскочил из своей спальни, приказал подать коляску и, не смотря на шедшую бурю, гром и молнию, ускакал Бог знает куды» [33, с. 135]). Ходасевич передает и сочувствие униженному Потемкину со стороны Державина, невольно напомнившего ему о прошлом унижении, и обещание «превознести его [Потёмкина], сколько дарование достанет» [33, с. 135].

Ходасевич выказывает понимания ситуации Потёмкина главным героем – Державиным, пережившим свою недавнюю отставку от губернаторства и изменения в отношениях с Екатериной: «Вызывая призрак Потёмкина, он в то же время обозревал собственное прошлое» [23, с. 145]. Поэтому трудно согласиться с мнением В. А. Черкасова, что «Державин по Ходасевичу был покорен Екатериной» [14, с. 245], потому что на этих же страницах своей книги Ходасевич пишет об отставке Державина с должности секретаря и назначении сенатором. Осознав своё унижение, Державин, так интерпретирует Ходасевич, оду «На знатность» – времён своей благоприятной карьеры – переделал в «Вельможу». Оскорбительные для него строки цитирует поэт ХХ в.:

Калигула! твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате:
Сияют добрые дела

[23, с. 153].

Ходасевичу важно понимание прихотливости не только карьеры, но и отражения судьбы Державина в его творчестве. Он подчёркивает си-

туативную параллель автора будущей оды «Водопад» (Державина) и героя (Потёмкина). В чём можно убедиться, обратившись к собственным признаниям Державина как поэта в «Водопаде»:

Увы! и хоров сладкий звук
Моих в стенанье превратился;
Свалилась лира с слабых рук,
И я там в слёзы погрузился,
Где бездна разноцветных звезд
Чертог являли райских мест
(курсив наш. – Н. Щ.) [32, с. 276].

Ощувив степень трагизма положения светлейшего князя во время праздника, где присутствовала Екатерина, боль утраты после кончины Потёмкина в степи между Ясами и Николаевым, испытал и на себе недавний гнев императрицы, Державин обращается к написанию оды «Водопад».

Ходасевич отмечает, что «Водопад» писался долго, связывает его с одой на смерть Мещерского, передающей личную трагедию Потёмкина, вырвавшую «смертью из сказочного великолепия», придавшую державинским «строфам тайную силу, которой они насквозь пропитаны» [23, с. 144–145]:

Чей труп, как на распутье мгла,
Лежит на темном лоне ночи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрывают очи,
Прижаты к холодной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты!

Чей одр – земля; кров – воздух синь;
Чертоги вокруг пустынные виды?
Не ты ли, Счастья, Славы сын,
Великолепный князь Тавриды?
Не ты ли с высоты честей
Внезапно пал среди степей

[23, с. 145].

Итог Ходасевича: «Вспоминая Потёмкина, Екатерина оплакивала тот невозвратный государственный пафос, который связывал её с Потёмкиным в славнейшие годы царствования» [23, с. 145], сольётся с поэтическими строками его героя Державина

Испытав саморефлексию в выражении своих чувств и настроений, Державин, как трактует это Ходасевич, соотнёс природную стихию с характером Потёмкина: «Ты точно есть сей водопад» [32, с. 274]. По мысли Ходасевича, Державин в «Водопаде» «двинул в бой... все лучшие силы своей поэтики <...> произвел смотр своим излюбленным темам: об игре случая (предположительно Ходасевич имел ввиду случай с Тутолминым. – Н. Щ.), об олицетворенном в Екатерине государственном эгоизме России, в

который все личные судьбы [Державина и Потёмкина] и подвиги впадают как водопадные реки в озеро...<...> Словом, “Водопад” стал итогом пройденного пути» [23, с. 145–146]. Как видим, Державин идентифицирует себя с Потёмкиным, свою службу как государственного человека – с предметом стихотворения. Ходасевич же как автор жизнеописания Державина искал в его творчестве близкие настроения, чтобы испытать лирическое самовыражение поэта, знакомые и ему. Книга строится на «внутреннем разговоре» автора-поэта с Державиным-поэтом, это и диалог «с самим собой», ибо для Ходасевича важно познание классической традиции как путь осмысления себя в современном ему мире, как восприятие чужого духовного опыта, его запечатления в слове с целью косвенной передачи личного опыта, обращенного к другим, к тем, кто захочет воспользоваться.

Опираясь на труды Державина («Объяснения на сочинения Державина» и «Рассуждения о лирической поэзии и об оде»), высказывания в высоком стиле о чувствах, необходимых для поэта: «Вдохновение не что иное есть, как живое ощущение, дар Неба, луч Божества <...> Вдохновение рождается прикосновением случая к страсти поэта, как искра в пепле, оживляясь дуновением ветра; воспламеняется помыслами <...> вдохновение есть один источник всех... лирических принадлежностей, душа всех... красот и достоинств: все, все и самое сладкогласие от него происходит» [33, с. 281, 327], Ходасевич, знавший опыт вдохновения, «подхватывал» творческую энергию Державина, когда «ни единая частица» её не пропадает даром, сумел раскрыть державинское «замирание сердца», «высоту парения». Такое состояние психоаналитик Я. М. Коган именуется «вчувствованием в творчестве» и считает, что «достаточно представить» [3, с. 60] эти переживания и не расходовать энергию на подражание.

В 4-й главе книги Ходасевич интерпретирует вдохновение Державина как неведомую силу, которая и им движет. Герой, пишущий оду «Бог» (1784), изображён им через авторефлексию, через воспроизведение своего интуитивного понимания роли поэта в процессе создания словесного произведения. Объединяет обоих поэтов состояние аффекта и возвышенная любовь к Богу: как религиозное чувство, так и интенция к истине, к неотменимым ценностям мироздания.

Определяющим для вдохновения, по мысли Ходасевича, является психологическое состояние внутреннего равновесия. Оно достигается совпадением творческого возбуждения как потребности исполнения высшего долга творца и жизненного положения, важного для человека долга и служения.

Переданные в книге чувства успеха автора «Фелицы» (1783), место Державина-губернатора после Олонецкого края в Тамбове (1785) дают радость не только от милостей императрицы, но и творческую окрылённость, желание взяться за перо, написать о том, кто «бесконечен пространством и единый» – о Боге. Первые строки приходят в голову Державину после возвращения домой с пасхальной заутрени из Зимнего дворца:

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени предвечный,
Без лиц, в трёх лицах Божества!
Дух, всюду сущий и единый...

[23, с. 106].

Но скоро порыв миновал, «мышцы душевные ослабели». В течение четырёх лет к реализации замысла по разным причинам Державин не возвращался, только думал «про себя». Необходимо отметить, что в этой части книги Ходасевич не прибегает к использованию «Записок» Державина, а именно идентификация позволяет ему выразить состояние «дозревшего» поэта, когда стали «проситься» наружу «мысли и образы, то собственные, то извлечённые из чтений» [23, с. 106]. Державиным овладевает вдохновение, он покидает дом, ищет «дикое уединение», снимает у старой немки «захудалый покойчик» [23, с. 106]. Стал писать, «пока сон не свалил его в постель, а проснувшись вновь брался за работу» [23, с. 106]. Творческий порыв в этот момент столь силён, что порождает произведение, которое Ходасевич ставит выше ранее написанных: это должна быть «в ы с о к а я о д а» (разрядка В. Ф. Ходасевича. – Н. Щ.) [23, с. 106]. Такое состояние Владислав Ходасевич именуется упоением, гармонией между владением материалом и вдохновением: «...образы и слова он вновь громоздил, точно скалы, и, сталкивая звуки, сам упивался звуком их столкновений» [23, с. 106].

Идентификация и проникновение в «чужое Я» через отождествление с испытанным лично дали Ходасевичу возможность выразить «чувство Бога» своего героя как своё собственное, нигде не упомянув, о какой вере идёт речь. Пережитое творческое воодушевление позволяет Державину отождествить себя с Богом как субъектом бытия и передать божественное мироощущение. Ходасевич показал охватившее его героя (поэта Державина) изумление перед подобным мироощущением, вместе с тем это состояние отрефлексировано творцом, поэтому в стихотворении высказано и удивление перед своей испытанной поэтической всеобъемлемостью:

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайняя степень вещества,

Я средоточие живущих,
Черта начальна божества

[23, с. 107].

Кульминационный момент в написании оды: «Я царь – я раб – я червь – я бог!» – когда Державин потрясён возможностью занять позицию, равную с Богом – «Твоему созданию... создатель!» [23, с. 107] (курсив наш. – Н. Щ.).

По словам Ходасевича, его герой поддался необыкновенному «упоению величайшей гордостью», посчитав, что его бытие может стать тоже бессмертным:

Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился.
Отец! В бессмертие твое

[23, с. 108].

Смотря на собственное отражение в оде, Державин видел, по версии Ходасевича, присутствие Бога в себе самом:

...Но ты во мне сияешь...
Во мне себя изображаешь...
<...>
Я есмь – конечно есть и ты!..
<...>
Твоё создание я, создатель!

[23, с. 107].

Невыразимое счастье «пребывания в Боге», выраженное в высоком стиле, стало, по мнению Ходасевича, «одой божественному сыновству человека» [23, с. 107] (курсив наш. – Н. Щ.).

Несмотря на то что Державиным двигала рефлексия, способствующая близости к Всевышнему, он испытал мученические чувства и осознал бессилие выразить в творчестве сущность божественного: «Было то уже ночью, незадолго до рассвета. Силы его покинули, он уснул и увидел во сне, что блещет свет в глазах его... проснулся, и в самом деле воображение так было разгорячено, что казалось ему – вокруг стен бегают свет. И он заплакал от благодарности и любви к Богу» (курсив наш. – Н. Щ.). К Державину пришло озарение неизбежной иерархии поэта и Творца, он «зажёг масляную лампу и написал последнюю строфу...:

Неизъяснимый, непостижимый!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить.
Как им к тебе лишь возвышаться.
В безмерной разности теряться
И благодарны слёзы лить...

Когда он кончил, был день» (курсив наш. – Н. Щ.) [23, с. 108]. В оде «Бог» автор выразил

«непостижимость» и «неизъяснимость», но готовность «лишь возвышаться» и «благодарны слёзы лить» пред Богом. Ходасевич в процессе создания личности героя «приблизился» к нему, испытал состояние духа Державина, передал аффект творческого акта, поскольку такое чувство поэта ему сродни. И Ходасевич, и Державин как Творцы уверовали в то, что порыв озарения связан с волей Всевышнего, запредельной для человеческого постижения.

Реконструкция персонажа в книге Ходасевича заключается в синтезировании субъективного и объективного, условного и достоверного. В последних главах книги голоса двух поэтов сливаются. Голос Державина, вызванный из небытия, подхватывается Ходасевичем, поскольку речь идёт о вечных творческих муках: «В каждом художнике заключён мучитель. Терзать душу зрителя или читателя для него наслаждение» [23, с. 257]. В этом терзании души, по Ходасевичу, состоит назначение творческого человека.

Важный вопрос, стоящий перед Ходасевичем, высказанный в книге о Державине, – что происходит с человеком и поэтом, когда «время для него кончалось» [23, с. 265]? Писатель искал «оправдание» кончины поэта в исчерпанности времени, отведённого ему на Земле. На смену прожитому «спешит» «жерло вечности». Герой Ходасевича «задумался о том, что будет, когда он [Державин] вообще кончится, и Ангел, поклявшийся, что времени больше не будет, вырвет трубу из Клииных рук и сам вострубит, и лиричного голоса Мельпомены не станет слышно» [23, с. 265]. Ответом автора книги можно считать не только вывод: «история и поэзия способны побеждать время – но лишь во времени» [23, с. 265], но и доказательство возможности преодоления конечности, и возможность понимания поэта другого времени в ходе разгадывания и самоидентификации с поэтом прошлого.

Ходасевич полагает, что Державин, как и сам автор книги, верил в поэтическое бессмертие и «многократно высказывал эту веру... даже с некоторым упрямством» [23, с. 265], «обернись время вспять, начнись завтра всё сызнова, старик действовал бы во всём точно так же, как действовал и в молодости. По-прежнему был бы он резок и неуступчив, по-прежнему отвергал бы возможное ради должного, был бы готов сломиться, но не согнуться и с гордостью повторил бы жизненные свои ошибки – все как одну, с первой до последней» (курсив наш. – Н. Щ.) [23, с. 238].

В финале книги Ходасевич становится всё «ближе» к своему герою, потому что завершается и его время. Он опирается на дневниковые записи Державина, «взиравшего с доверием» на

«будущего историка своей жизни» [23, с. 265]. Таким историком оказался поэт XX в., избравший для окончания значимый для Ходасевича и его героя текст – неоконченное философское стихотворение «Река времён...»:

Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей,
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы!

«Восемь всего стихов, – комментирует Ходасевич, – но всё в них величественно прочно, как и в славнейших одах Державина, и в то же время так просто, как он не описывал ещё никогда» [23, с. 264]. Мы расцениваем этот комментарий не только к конкретным стихам, но и как формулу поэтического дара Державина, близкого самому В. Ходасевичу, в нём простота мыслей и величественность слога.

Задуманная за три дня до смерти «Река времён...» имела первоначальное название «Негленность». Писал её Державин, глядя на таблицу «Река времён, или Эмблематическое изображение всемирной истории», висевшую у него в кабинете [32, с. 432]. Ходасевич обращается к дневниковой заметке Державина о «непрочности жизни»: «Лишь только ты родился, как уже рок дня того влечёт тебя к разрушающей мощи... Нет на свете ничего надёжного, даже и самые наивеличайшие царства суть игральные непостоянства... Терзаемся беспрестанно хотением и теряемся в ничтожестве. Сей есть предел нашей жизни» [23, с. 265], и предполагает, чем могла закончиться начатая ода. Если от исторического бессмертия Державин отказался, как убеждал читателя Ходасевич в своей интерпретации, то за два дня до смерти его герой высказал мысль «о личном бессмертии – в Боге» [23, с. 265]. Продолжив мысль Державина, Ходасевич приводит к итогу: «БОГ было первое слово, произнесённое им в младенчестве – ещё без мысли, без разума. О Боге была его последняя мысль, для которой он уже не успел найти слов» (выделено автором. – Н. Ш.) [23, с. 266].

Создание Державиным философского стихотворения «Река времён в своем стремлении...» связано с финалом жизни Державина и с финалом книги Ходасевича, с раздумьями поэтов разных эпох о бренности жизни и вечности творений – героя-Державина и автора книги о нём – поэта-Ходасевича.

В биографическом исследовании о Державине Ходасевич выступил, как и в своей «Евро-

пейской ночи», хранителем вечного огня поэзии. Сближало двух поэтов тяготение к вечному: «...любил историю, поэзию, потому что в них видел победу над временем» [23, с. 265]. Эти слова Ходасевича о Державине можно воспринимать и как его характеристику о себе самом, поднявшемся выше своей исторической эмпиричности к высоте экзистенциального сознания.

Из предпринятого нами анализа биографического повествования о Г. Р. Державине следует, что процессы идентификации, самоидентификации и отождествления оказали влияние на художественное сознание В. Ф. Ходасевича. Ключевой для автора «Державина» становится идентификация себя как творца, созидющего и создающего собственную поэтическую реальность, в которой присутствие «Другого» – обязательное условие восприятия и авторефлексии. Произошло наращивание смыслов, выраженных в метатексте как части художественного целого «Державина». Становится очевиднее важность написания книги о Державине для поэта XX в. В процессе творческой самоидентификации Ходасевич-автор ведёт внутренний диалог с Державиным-героем. Через жизнь другого человека выражает своё отношение к вопросам бытия, к традициям русской классики, потому что произведения Державина близки духовным ситуациям Ходасевича. Он оказался вовлеченным в процесс создания этапных для Державина произведений. Акцент сместился с субъекта на роль поэта как демиурга и зависимость творчества как такового от общественной обстановки.

Творческая самоидентификация повлияла на стиль и жанр «Державина». Трансформируя биографию классика, Ходасевич отходит от общепринятых канонов биографического повествования и сосредоточивается, на наш взгляд, на кульминационных моментах в творчестве поэта XVIII в. – создании произведений, посвященных Екатерине II, Потёмкину, философских стихотворений «Бог», «Река времён...». Использование других, несомненно важных, поэтических источников необходимо Ходасевичу для усиления собственной интерпретации. Такая избирательность в текстах Державина, по-нашему мнению, позволила Ходасевичу отыскать тождество самому себе и выстроить концепцию понимания Творца в целом, чему способствовала идентификация и себя в этой роли. Самоидентификация в произведении выражена через: цитирование и толкование «чужого» текста (державинских «Записок», художественных и публицистических произведений); присутствие авторских раздумий и оценок (о приметах времени правления Екатерины II, Павла I, Александра I, о делах Сената, положении русской армии в войне с Наполеоном,

об окружении Державина и др.); через избирательное использование исторических фактов.

Посредством «разгадывания» Державина, лично не похожего на автора, через самопознание и служение искусству Ходасевич вышел к проблеме Дара и экзистенциального пребывания или существования себя в мире чужом, что во многом объясняет его отход в конце жизни от поэзии и обращение к «Державину» и к одному из самых значительных очерков-некрологов в русской литературе – «Некрополю», вышедшему накануне смерти Ходасевича в 1939 г.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, 2003. С. 69–264.
2. Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тарарченко. Т. 2. Историческая поэтика. М. : Академия, 2004. 368 с.
3. Коган Я. М. Отождествление и его роль в художественном творчестве. Ижевск : ERGO, 2013. 84 с.
4. Дранов А. В. Рецептивная эстетика // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М. : Интрада. ИНИОН, 1996. С. 127–138.
5. Абашева М. П. Литература в поисках лица (русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2001. 320 с.
6. Бак Д. П. История и теория литературного самознания: творческая рефлексия в литературном произведении. Кемерово : КемГУ, 1992. 82 с.
7. Формы саморефлексии литературы XX века: метатекст и метатекстовые структуры / ред. Т. Л. Рыбальченко. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2004. 237 с.
8. Харитонова Е. В. Формы авторефлексии в современной детской литературе Урала // Филологический класс. 2016. № 2. С. 70–76.
9. Хатямова М. А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века. М. : Языки славянской культуры, 2008. 430 с.
10. Вейдле В. Поэзия Ходасевича // Современные записки. 1928. Кн. 34. С. 454.
11. Богомолов Н. А. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича // Вопросы литературы. 1988. № 3. С. 23–61.
12. Шубинский В. И. Владислав Ходасевич. М. : Молодая гвардия, 2012. 720 с.
13. Муравьева И. А. Жизнь Владислава Ходасевича. СПб. : Книга, 2013. 584 с.
14. Черкасов В. А. Державин и его современники глазами Ходасевича. Белгород : Изд-во БелГУ, 2009. 336 с.
15. Бочаров С. Г. Ходасевич // Литература русского зарубежья 1920–1940 / сост. и отв. ред. О. Н. Михайлов. М. : Наследие ; Наука, 1993. С. 178–219.
16. Агеносов В. В. Литература русского зарубежья (1918–1996). М. : Терра. Спорт, 1998. С. 205–227.
17. Бритлингер А. В поисках «полезного прошлого»: Биография как жанр в 1917–1937 годах / пер. с англ. А. Д. Степанова. Бостон : Academic Studies Press; СПб. : БиблиоРоссика. 2020. 336 с. (Современная западная русистика).
18. Колесников С. А. Мемуарно-биографическое творчество В.Ф. Ходасевича: концепция личности русских писателей-модернистов рубежа XIX–XX веков : дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2012. 416 с.
19. Кириллова Е. Л. Мемуаристика как метажанр и её жанровые модификации (На материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 28 с.
20. Штейникова Н. В. Жанр литературного портрета в творчестве В. Ходасевича : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2006. 20 с.
21. Сорокина Н. В. «Один из значительнейших и привлекательнейших русских людей»: русское зарубежье 1920–1930-х гг. о Г. Р. Державине // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. Державинский год в Державинском университете. К 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина. 2013. № 3 (119). С. 32–38.
22. Голубков М. М. Два поэта: Державин в романе Ходасевича // Духовные традиции русской культуры: история и современность (к 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина) / науч. ред. Н. Л. Потанина. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2008. С. 124–145.
23. Ходасевич В. Ф. Державин / послесл. А. Л. Зорина. М. : Мысль, 1988. 284 с.
24. Садовской Б. А. Русская Камена. М. : Мусагет, 1910. 159 с.
25. Грифцов Б. Державин // София. Журнал искусства и литературы. 1914. № 1. С. 111.
26. Айхенвальд Ю. И. Памяти Державина // Речь. 1916. № 185. 8 июля.
27. Ходасевич Владислав Фелицианович. Державин. URL: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0010.shtml (дата обращения: 01.06.2022).
28. Ходасевичъ В. Ф. Державинъ. Париж: Современные записки, 1931. 314 с. URL: [chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://imwerden.de/pdf/khodasevich_derzhavin_1931_text.pdf](https://imwerden.de/pdf/khodasevich_derzhavin_1931_text.pdf) (дата обращения: 04.06.2022).
29. Грот Я. К. Державин. М. : Алгоритм, 1997. 690 с.
30. Бицилли П. М. Рецензия на биографию Ходасевича «Державин» // Россия и славянство. 1931. 18 апр.
31. Ходасевич В. Ф. Державин / вступ. ст. и коммент. А. Л. Зорина. М. : Книга, 1988. 385 с. (Писатели о писателях).
32. Ломоносов М. В., Державин Г. Р. Избранное. М. : Правда, 1984. 448 с.
33. Державин Г. Р. Рассуждения о достоинстве государственного человека. Записки. Объяснения на сочинения Державина. Рассуждения о лирической поэзии и об оде: Избранная проза / сост., вступ. ст. и примеч. П. Г. Паламарчука. М. : Советская Россия, 1984. 400 с.

Поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 01.09.2022
The article was submitted 19.07.2022; approved after reviewing 29.07.2022; accepted for publication 01.09.2022